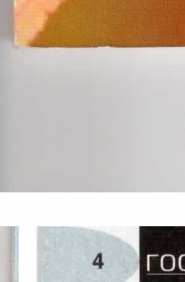

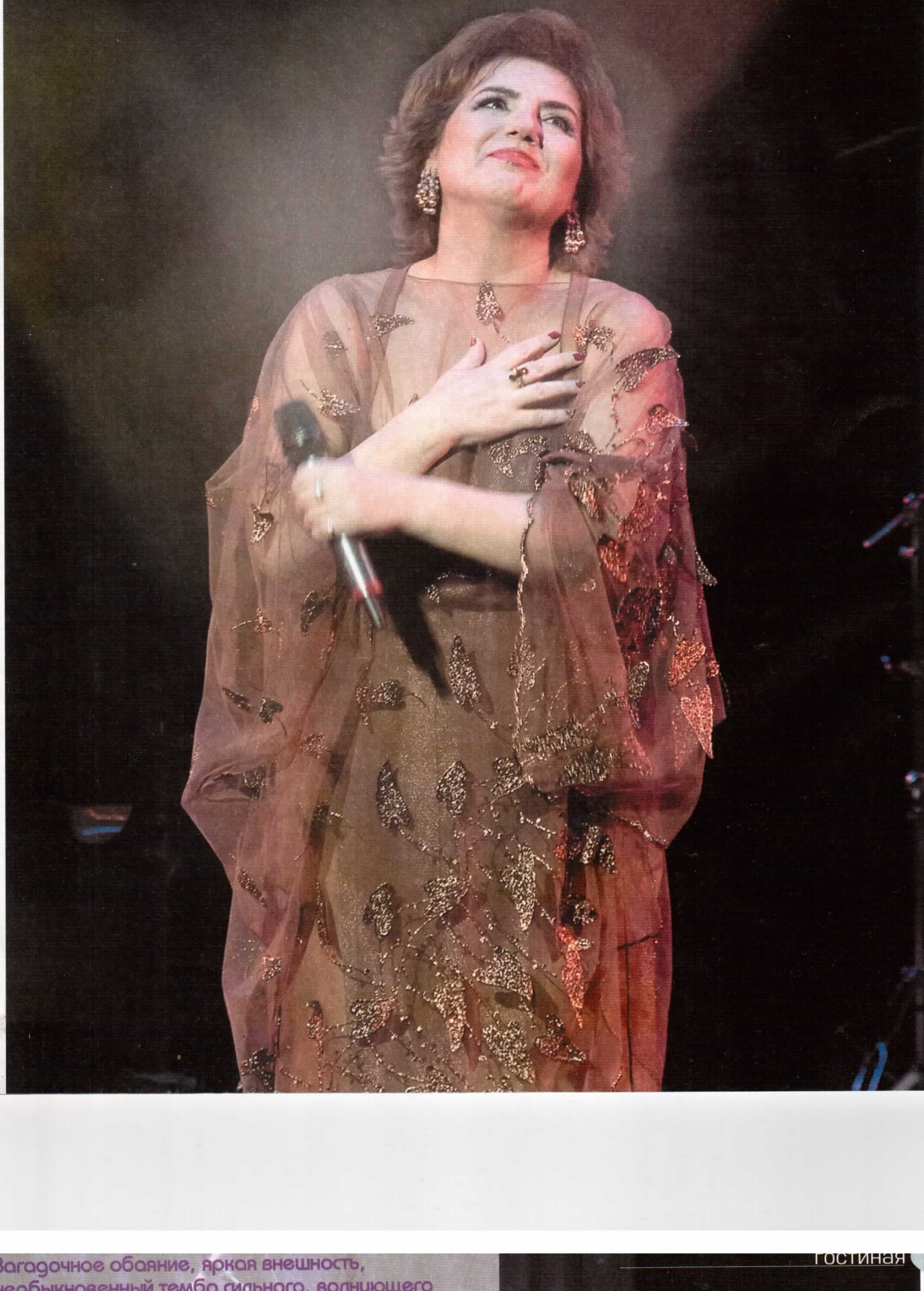
Кто придет в первый класс?
Символ добра и милосердия
Воздух Иерусалима
Что может быть лучше гор

Нина Дилон: «Я хотела петь на улице, как Пиаф»

ГОСТИНАЯ

Нина Дилон: «Я ни о чем не жалею»

Загадочное обаяние, яркая внешность, незабываемый тембр сильного голоса и особенные восточные его вибрации — все это непогрязаемая Нина Дилон. Ее называют королевой французского шансона, а она сама считает себя россиячкой с душой Эдит Пиаф. Она поет на восьми языках. Нина Дилон много раз выступала в Париже и принимала участие в концертах Шарля Азнавюра. На Международном кинофестивале стран Евросоюза в Калининграде ей выпала честь открывать российский показ французского фильма «Минь в розовом цвете» — о судьбе великой французской певицы. Тогда пресса писала: «...Это не совсем Пиаф и даже совсем не Пиаф, что отлично. Она привнесла в песни «порижского воробьишка» свое неповторимое, современное звучание... у Дилон неожиданный и завораживающий тембр, она исключительна и обаятельна, даже магнетична...» В обширном репертуаре Нины Дилон — и французский шансон, и старинные русские романсы, и армянские народные песни, и эстрадные шлягеры XX века, но самой любимой и публикой, и самой певицей концертов программой остается «Пою Париж», которая всюду проходит с оглушительным успехом. В этом году все выступления певицы посвящены 50-летию памяти великой Пиаф.

— Нина, из какой вы семьи? Кто вы — французка или восточная женщина?
— История моего происхождения очень интересная. С детства я задалась этим вопросом, я уйдю со сцены, а начнется все неожиданно с того, что я влюбилась в одного человека и попыталась его очаровать. Только и потом поняла — именно любовь смогла меня вот так встряхнуть. Нужен был эмоциональный взрыв для того, чтобы я нашла в себе силы вернуться в мир музыки. С этим человеком мы познакомились случайно, в одной компании. Не буду называть его имени, так как он довольно известный. У меня от него, что называется, крыша поехала. Мы перезнакомились, но нормально встречаться не получалось, он постоянно был занят. И как-то сидела в гостях у своей подруги, мы пили вино, я страдала по нему, а подруга мне говорит: «Ты спишь ему! Надо сделать так, чтобы он тебя услышал. Он сойдет с ума». Эта мысль запала мне в голову. Я начала думать, как это осуществить, и судьба подарила мне случай. На втором канале телевидения шел отборочный тур второго набора в телепрограмму «Караоке по-русски», тогда очень популярную. У меня сразу в голову возникла подсказка — иди туда. И все сложилось, как должно было сложиться. Я прошла конкурс и снималась в этой про-

грамме. Когда передача должна была выйти в эфир, я ему позвонила, чтобы он посмотрел. Пока шла передача, мне звонили, не переставая, мои друзья и знакомые из разных городов и стран. Он тоже увидел меня по телевизору, и ему все это очень понравилось. Тогда он сказал: «Ты красивая и очень хорошо поешь. Тебе надо петь!» Для меня это было высшей похвалой. Я думала, что достигла главной моей цели. Но самое главное началось потом, когда я увидела себя со стороны. И вдруг мой внутренний голос мне сказал: «Как ты могла погубить свой талант!» Несколько месяцев я не открывалась от записи этой передачи. Как только появилась возможность, закрывалась в комнате и в одиночестве снова и снова просматривала видеозаписи. И вдруг началось, мой внутренний голос не давал мне покоя. Твердил одно и то же: «Хочу петь, хочу петь!» Дошло до того, что у меня вдруг возникло желание пойти на Арбат и петь на улице, как пела Эдит Пиаф. Однажды я это вслух сказала своей сестре, а моя дочь, услышав эти слова, воскликнула: «Мама, ты сумасшедшая!» Тогда я, помню, улыбнулась и все превратила в шутку. Но мысли о пении меня не покидали. Я все думала, с чего начать? И вот один знакомый актер сказал мне, что в ГИТИСе идет набор студентов на курс Я. Шарова. Я решила, что мне не хватает поэзии, и решила поступить в ГИТИС, будучи женщиной продюсером. В приемной комиссии сидел продюсер Игорь Селиверстов, который тогда параллельно создавал группу «Стрелки». Это был 1996 год. Прислушав меня, он сказал: «Вы понимаете, что по вокалу я вас не могу не взять, но как вы будете учиться с молодежью?» На что я ответила: «Мне все равно. Мне не хватает мастерства!!! Я не могу позволить себе выходить на сцену и петь, как в самодеятельности. В молодости это простительно, а взрослому человеку не прощается. Мне надо учиться». Он развел руками и сказал: «Давайте попробуем». Преподвателем вокала у нас на курсе был дирижер Александр Петухов, который только вернулся из Америки. Он и подобрал материал для выпускного экзамена. В период учебы я познакомилась с очень талантливым композитором Игорем Епифановым. Он даже подарил мне песню для выпускного экзамена «Осенние цветы», которую мы записали потом в студии. Но услышав, как я пою на французском языке, он сказал: «Тебе ничего не надо придумывать, у тебя все есть, чтобы петь песни Пиаф». Вот после его слов я и осмелела, и робко поспела Петухову на ухо: «Я пою на французском, пою песни Эдит Пиаф», а он вдруг так серьезно ответил мне: «Не надо дышать в затылок великим певцам...» В этот же вечер нас в ГИТИСе посетил один композитор. Я была очень расстроена после слов Петухова, и

Семья воссоединилась в Москве, где жил старший брат мамы, мой дядя. Так сложилось, что всю свою сознательную жизнь я живу в России. Можно сказать, я человек трех культур, так же как и французская, и восточная. С детства в нашем доме звучала французская музыка. Моя мама была певица и имела на редкость красивый голос, очень походил на голос Пиаф. Природа так распорядилась, что ее голос перешел мне по наследству. Я считаю это подарком свыше. В Москве я окончила музыкальную школу, пела в ансамбле Локтева, собиралась поступать в музыкальный училище, но моя так хорошо начавшаяся учебная карьера внезапно оборвалась.

— Почему так получилось?
— Я очень рано, можно сказать, глупой девочкой, вышла замуж. Мой муж был армянин, он сразу запретил мне заниматься музыкальной карьерой. Познакомились мы в Москве, но потом два года прожили в Ереване. Это время для меня не прошло даром. Я имела возможность узнать армянский народ, его язык, культуру. Еще в Ереване приняла участие в музыкальном конкурсе, который выиграла. После победы турна меня сразу пригласили в государственную оркестру, но все дулилось на корню самодеятельством моего мужа, который считал, что жена должна быть домохозяйкой. Мои родители

2013/09 РАБОТНИЦА

ГОСТИНАЯ

к тому времени разошлись, и у меня не было нормальной поддержки. Я родила двоих детей, но все время, будучи в браке, понимала на уровне подсознания, что живу не своей жизнью. Постепенно я начала осознавать, что судьба ведет меня своим путем, что я возвращаюсь в мир музыки. Изначально меня это очень не могло изменить. В такие моменты начинаешь понимать, что ты не принадлежишь себе. Меня многие поддерживали, единственное, что говорили: «Вот бы раньше тебе начать петь...», на что я спокойно отвечала: «Творить и учиться никогда не поздно». Почему социум навязывает всем свои догмы, что только молодые должны петь? Мой муж был в шоке, когда я вернулась в музыку. Он говорил: «Ты нерушительная. Ты посмотри, какие молодые девочки поют, какие у них бедра, длинные ноги». А я отвечала: «Я же не бедрями пою». Это было то, что сплет мои губы, а я уйдю со сцены». Дрягла мне главное — это реакция моего зрителя. Только благодаря этому я продолжаю свой нелепый путь в творчестве. Где бы я ни пела, например, в клубах, зрители забывают о пении и погружаются в музыку. И именно это дает силы и энергию продолжать концертную деятельность. Я помню слова одной зрительницы, которая сказала мне после концерта, когда я давала автографы: «Ты берешь за горло и не отпускаешь». Такие слова дают силы творить и идти дальше...

— Как же вам удалось вернуться на сцену?
— Даже сама не знаю, все завертелось, закружилось само собой. А началось все неожиданно с того, что я влюбилась в одного человека и попыталась его очаровать. Только и потом поняла — именно любовь смогла меня вот так встряхнуть. Нужен был эмоциональный взрыв для того, чтобы я нашла в себе силы вернуться в мир музыки. С этим человеком мы познакомились случайно, в одной компании. Не буду называть его имени, так как он довольно известный. У меня от него, что называется, крыша поехала. Мы перезнакомились, но нормально встречаться не получалось, он постоянно был занят. И как-то сидела в гостях у своей подруги, мы пили вино, я страдала по нему, а подруга мне говорит: «Ты спишь ему! Надо сделать так, чтобы он тебя услышал. Он сойдет с ума». Эта мысль запала мне в голову. Я начала думать, как это осуществить, и судьба подарила мне случай. На втором канале телевидения шел отборочный тур второго набора в телепрограмму «Караоке по-русски», тогда очень популярную. У меня сразу в голову возникла подсказка — иди туда. И все сложилось, как должно было сложиться. Я прошла конкурс и снималась в этой про-

грамме. Когда передача должна была выйти в эфир, я ему позвонила, чтобы он посмотрел. Пока шла передача, мне звонили, не переставая, мои друзья и знакомые из разных городов и стран. Он тоже увидел меня по телевизору, и ему все это очень понравилось. Тогда он сказал: «Ты красивая и очень хорошо поешь. Тебе надо петь!» Для меня это было высшей похвалой. Я думала, что достигла главной моей цели. Но самое главное началось потом, когда я увидела себя со стороны. И вдруг мой внутренний голос мне сказал: «Как ты могла погубить свой талант!» Несколько месяцев я не открывалась от записи этой передачи. Как только появилась возможность, закрывалась в комнате и в одиночестве снова и снова просматривала видеозаписи. И вдруг началось, мой внутренний голос не давал мне покоя. Твердил одно и то же: «Хочу петь, хочу петь!» Дошло до того, что у меня вдруг возникло желание пойти на Арбат и петь на улице, как пела Эдит Пиаф. Однажды я это вслух сказала своей сестре, а моя дочь, услышав эти слова, воскликнула: «Мама, ты сумасшедшая!» Тогда я, помню, улыбнулась и все превратила в шутку. Но мысли о пении меня не покидали. Я все думала, с чего начать? И вот один знакомый актер сказал мне, что в ГИТИСе идет набор студентов на курс Я. Шарова. Я решила, что мне не хватает поэзии, и решила поступить в ГИТИС, будучи женщиной продюсером. В приемной комиссии сидел продюсер Игорь Селиверстов, который тогда параллельно создавал группу «Стрелки». Это был 1996 год. Прислушав меня, он сказал: «Вы понимаете, что по вокалу я вас не могу не взять, но как вы будете учиться с молодежью?» На что я ответила: «Мне все равно. Мне не хватает мастерства!!! Я не могу позволить себе выходить на сцену и петь, как в самодеятельности. В молодости это простительно, а взрослому человеку не прощается. Мне надо учиться». Он развел руками и сказал: «Давайте попробуем». Преподвателем вокала у нас на курсе был дирижер Александр Петухов, который только вернулся из Америки. Он и подобрал материал для выпускного экзамена. В период учебы я познакомилась с очень талантливым композитором Игорем Епифановым. Он даже подарил мне песню для выпускного экзамена «Осенние цветы», которую мы записали потом в студии. Но услышав, как я пою на французском языке, он сказал: «Тебе ничего не надо придумывать, у тебя все есть, чтобы петь песни Пиаф». Вот после его слов я и осмелела, и робко поспела Петухову на ухо: «Я пою на французском, пою песни Эдит Пиаф», а он вдруг так серьезно ответил мне: «Не надо дышать в затылок великим певцам...» В этот же вечер нас в ГИТИСе посетил один композитор. Я была очень расстроена после слов Петухова, и

— Что значит для вас песни Пиаф?
— Я выросла на этих песнях. И всегда мечтала их петь, потому что они написаны под голос певицы, и ее песни открывали мой внутренний и внутренний потенциал. Когда я записала в 2003 году мой первый альбом «Пиаф в XXI веке», я поняла, что материализовалась мечта детства. Это совпало с 40-летием памяти Эдит Пиаф. Сколько раз во время записи этого альбома у меня появлялась возможность петь другие песни, так вы не поверите, у меня начинались непереносимости, и жизнь меня ставила фактом — продолжать запись этого альбома. Поэтому восемь песен я писала около трех лет. Мне часто говорят: «У Пиаф была трагическая судьба...». Не хочу себя сравнивать с ней, но у меня в 2004 году произошла своя трагедия — я потеряла сына.

— Что поменяло вам пережить эту трагедию?
— Только творчество. И ассирийский храм Божией Матери на Дубровке, построенный одним замечательным человеком — Вячеславом Викторовичем Илюшиным, в память о своей маме, которая была ассирийкой. Вячеслав Викторович ассирийский помог мне морально. Мы с ним часами разговаривали о творчестве. Он очень музыкальный человек, и ему очень нравится все, что я делаю. Сейчас я точно знаю, он был послан мне свыше. Его внутренняя мужская сила и этот храм — они меня просто спасли. Я часто посещаю службы, и эти песнопения на древнем армейском языке, на языке Христа, меня успокаивали. А с сыном случилось, что он привстал к наркотикам, а я — недомогала. Он стал жертовой безумных 90-х. Еще до того, как он ушел, я думала написать песню на эту тему, которая меня очень волновала. А когда его не стало, я два года создавала эту песню. Мелодия и стихи создавала сама, и мне многие помогали дорабатывать текст. Один из них — автор-исполнитель Валерий Растирга, которому я очень благодарна за помощь в записи. В этой песне я просила прощения у Создателя за то, что упустила своего ребенка. Поэтому песню назвала «Я прошу прощения у Неба». Эту песню я посвятила всем матерям, потерявшим своих детей от этой страшной зависимости. Когда я ее услышала в студии, мне стало легче. Сын ушел на Пасху, и еще скоро дней о нем пели песнопения, как о живом.

— А чем занимаетесь ваша дочка?
— Она умница, у нее двое детей. Долго танцевала у Аллы Духовой, просто для себя занималась и работала. А сейчас у

нее возникло желание преподавать сочинительные танцы, и получается неплохо. Но творческий процесс не дает сразу финансовых результатов, должно пройти какое-то время, чтобы это ощутили. Вот она и на распутье — или идти работать на фирму, зарабатывать конкретные деньги, или заниматься творчеством. Я поддерживаю ее и в то же время не даю — пусть сама выберет.

— Скучаете ли вы по Франции?
— Скучать не приходится, так как постоянно есть общение с Францией. Творческая жизнь диктует свои условия. Так получается, что большей частью работа складывается в России. У меня есть агент в Париже, которая мне неоднократно устраивала выступления во Франции на балах русской эмиграции, но все равно пока моя жизнь больше кипит в Москве. Я обещала со своей концертной программой «Пою Париж» многие города России, поехала в Дании, Израиле, Финляндии, и везде принимаю очень хорошо. Сейчас веду переговоры с Украиной — это мне интересно. А вообще у меня мечта: выступить в Париже в Олимпии, где пела Эдит Пиаф. Я в это очень верю. Ведь ничего случайного не бывает. И потенциал для этого у меня есть, я это чув-

ствую. Меня никто не принимал за ассирийскую певицу. Когда мой первый альбом «Пиаф в XXI веке» услышала французская журналистка газеты «Le Courrier de Russie», то свою статью обо мне она назвала «Восток Dalida», то есть Пиаф в Париже Далиды. Так она услышала мои современные интерпретации песен Пиаф. Мне, честно говоря, было очень приятно.

— Какие-то ассирийские традиции сохраняются в вашей семье?
— Конечно, прежде всего, в кулинарии. У нас есть блюдо, это называется тяджик. Это тюркский или какой-то режется сыр, куда режется чеснок, зелень, много соли, и популяется масса, которая мается на хлеб, как паштет. Пропорция должна быть такой: мало белого, много зеленого. Это очень вкусно. Еще у нас всегда на столе есть гырду. Это рисовая каша на кефире, и когда ее накладывают на тарелку, делают луночку, куда наливаются топленое масло. Всем людям раздается эта каша, это тоже традиция. У нас очень интересные национальные танцы, группа, как у греков. Если говорить о других вещах, то девушка обязательно должна быть ассирийкой. Во время эмиграции ни одна ассирийка, умирая с голоду, не стала торговать своим телом. Добиралась на улочки — тем и кормилась. Моя бабушка в Марселе была милостивой. Внутренне мы всегда были свободными. Ассирийские традиции в России создали ассирийцы. Помните будки, где сидели чистильщики обуви? Это были маленькие предприниматели, которые владелишь определяли и свободу. Он мог закрыть свою будку и уехать на свадьбу в другой город, например. Сейчас вы не найдете ни одного ассирийца, сидящего в будке. Когда одному ассирийцу сказали: «Вы кто, вы такие, вы же чистильщики!», знаете, что он ответил? «Мы чистили вашу совесть».

Беседовала Влада АНДРЕЕВА

2013/09 РАБОТНИЦА

2013/09 РАБОТНИЦА